

Павленко І. В.кандидат філософських наук, доцент,
доцент кафедри філософіїДніпропетровського національного університету
імені Олеса Гончара (Дніпропетровськ, Україна),

E-mail: vivi.dp@mail.ru

РЕФЕРЕНЦИЯ К ВЫМЫШЛЕННЫМ ОБЪЕКТАМ

Аннотация. Рассматриваются основания семантики вымысла, базирующейся на анализе референциальной структуры предложений естественного языка.

Ключевые слова: истина, предложение, язык, контекст, референция, достоверность, семантика, конвенция.

Основная задача данной статьи – рассмотреть, как соотносятся между собой семантики действительности и семантики мнимостей и симуляций, почему для описания тех и других мы пользуемся одним и тем же языком и нет ли в этом видимом удобстве и экономии средств какого-либо намека или пояснения.

Существующие исследования в данной области [см. например: 1; 2; 6], очерчивая проблему в целом, даже не приближаются к ее удовлетворительному решению. Главная причина такого положения дел заключается, по-видимому, в нежелании большинства авторов принять более расширительную трактовку эпистемологического объекта, включив в это понятие психические образы, продукты фантазии, в широком смысле, – ментальные образования и структуры.

Представление и попытку решения данной проблемы предпринял Л. Витгенштейн в своих работах 30–40 гг. [7; 8; 9]. Он попытался выстроить свою семантику истинности, основываясь на прагматическом критерии, относительно равнодушном к референциальной функции предложения. В основе прагматики Витгенштейна лежит способ употребления языковых выражений: «5. Окажется ли в дальнейшем предложение ложным [ошибочным], связано с тем, для какого рода употребления я это предложение предназначил» [7, с. 120].

Это означает, что любое предложение можно застраховать от фальсификации, последовательно выводя его за рамки контекстов, в которых оно может оказаться ложным. Не исключено также, что любое предложение можно сделать истинным, найдя условия, при которых оно становится таковым.

О чем говорит Витгенштейн? «Для какого рода употребления я его предназначил». Какие критерии истинности мы признаем для данного предложения или предложений? Будет ли это соответствие «действительному положению дел» или соответствие моему мнению, настроению, моей вере или соответствие предложения некоторой языковой норме. Как бы звучал, например, такой критерий истинности: «Все правильно построенные предложения русского языка – истинны»? Следовательно, «Сумма углов треугольника равна 240°»; «Нынешний король Франции лыс»; «Люди суть насекомые». Разве нет языковых игр, в которых допускается употреблять подобные предложения? Разумеется, есть. Какой тогда вообще смысл в любых критериях истинности? Ведь ко многим предложениям он и без того неприменим или не может быть сформулирован.

Вопрос, команда, просьба, шутка, гипотетические конструкции, различного рода экспрессивные речевые акты – все подобные предложения могут быть правильно построены с точки зрения грамматики, но определять их мы должны без помощи какой бы то ни было референциальной теории истинности. Можно предположить, что и с т.н. констативами, к которым, казалось бы, применимы указанные критерии, также не все так просто. Возможно, *свойство предложения быть истинным или ложным, что бы это не означало, присуще лишь определенному классу наших вы-*

сказываний, да и то с целым рядом оговорок.

Например, критерий истинности неприменим к констативам в своей «полной» форме, т.е. истинностная оценка того или иного высказывания подвержена целому ряду градаций.

Разумеется, речь идет о предложениях знакомого нам языка, в противном случае, ни одно высказывание, ни одно имя не имеют референта или имеют любой референт. В каком-то смысле, у каждого имени – презумпция референтности, при том, что референт либо известен нам, либо нет. Исходя из сказанного, *можно определить референцию как процедуру соединения имени любой формы с объектом (референтом) любого вида*. Истинность или ложность (по крайней мере, в свете корреспондентной теории) – вторичны по отношению к референции и сообразуются лишь с нашим восприятием и воспитанием. Истинностное значение суждений в логике – это отношение, не связанное с референцией однозначно. Критерий в данном случае – соответствие законам и правилам, внутренняя согласованность и непротиворечивость системы, части и данные которой могут не совпадать (и даже вовсе не должны совпадать) с нашей чувственной интуицией. Внутренне согласованными и непротиворечивыми могут являться, например, мои сновидения или фантазии. Вполне согласованы и непротиворечивы стихи Трагля или Мандельштама, романы Достоевского или Кафки, фильмы Гринуэя и т.д. Правильнее сказать, что мы не знаем, что являлось бы противоречием в данном случае. Высказывание вида «Гиневера была женой короля Артура» имеет, на мой взгляд, куда более высокий истинностный статус, чем высказывание «Наполеон скончался на острове Св. Елены». Трудно представить, как первое высказывание могло бы оказаться ложным в своем контексте (в своем возможном мире), поскольку этот контекст *исчерпан*, в отличие от контекста второго высказывания (область реальных исторических событий). Говоря о короле Артуре или персонаже из своего сновидения, я точно знаю, о ком я говорю и что я говорю, т.е. осуществляю и референцию и предикацию. То, что я действительно должен обеспечить, так это внутреннюю согласованность своего рассуждения. Рассмотрим, например, суждение «Нынешний король Франции лис». Даже если верно, что в настоящее время во Франции нет короля, то все равно суждение «истинно, что нынешний [несуществующий] король Франции лис или нынешний [несуществующий] король Франции не лис» – *истинно*, если, конечно, мы принимаем закон исключенного третьего. *Все* наши суждения должны быть упорядочены определенным образом, для того, чтобы вообще быть осмысленными. Но это единственный критерий, который можно принять на данном этапе.

Границы эмпирии должны определяться нашей чувственностью, что бы мы под этим не подразумевали. Принципиальная невозможность чувствовать что-либо, означает невозможность иметь это в опыте. Однако простое введение временной модальности, например, будущего времени, приводит нас к непростому расширению понятия опыта как раз благодаря «допущениям, признаваемым правильными лишь интуитивно»; естественно, что в отношении достоверности (уверенности) статус суждений о будущих событиях будет гораздо ниже, чем о событиях настоящего времени. Вообще, есть много способов ослабить суждения эмпирии с их притязаниями на абсолютную достоверность: «там», «тогда», «возможно», «вероятно» и т.п., но ослабить, не означает вовсе отменить. «Нигде», «никогда», «невозможно» – образуют нижнюю границу наших допущений.

Существует и верхняя, заданная операторами «везде», «всегда», «необходимо». То, что следует за ними – уже не имеет отношения к эмпирии, так же, как предложение, повествующее о «всяком возможном опыте», не является частью какого бы то ни было опыта, поскольку описывает то, что никакому реальному опыту не соответствует. Разве является опытом *концепт* опыта? Возможный опыт – это все-таки *опыт*, в отличие от самой *возможности опыта*, которая не может быть создана в нем самом.

Существует еще один род неверифицируемых или слабо верифицируемых эмпирических суждений о фактах собственной душевной жизни: субъективных переживаниях, фантазиях, сновидениях и пр. Это опыт, причем, немаловажный для каждого человека, хотя все это – «... допущения, признаваемые правильными лишь интуитивно, не являющиеся достоверными». В то же время, в нашем внутреннем опыте есть то, что служит критерием достоверности для множества иных суждений эмпирии, то, что как раз и является точкой отсчета и определяет «способы сравнения и действия». Это постоянно осуществляющиеся акты самоидентификации, самоощущения, позволяющие воспринимать свое существование в качестве целостного существа и условно относить все многообразие впечатлений к одному центральному концепту-образу-персонажу, т.н. «Я».

Расширительная трактовка понятия эмпирического так или иначе стремится уравнивать его различные виды, полагая невозможность классических верификационных процедур не ущербностью данного вида опыта, но лишь его спецификой. Если же оценить значимость или ценность последнего, то она безусловно окажется выше, чем у любой эмпирической науки.

Наконец, существует еще один вид эмпирии, отличающийся от прочих своей особенной призрачностью и эфемерностью. Это все происходящее с *персонажами* наших фантазий, сновидений и т.п. явлений, независимо от их природы. Событий сновидения как бы и не существует вовсе, хотя интуитивно несомненна их принадлежность мне (т.е. бодрствующему субъекту), несомненны «действия и различения», так же как и трансформация и мутация этого опыта в повседневной жизни. Эмпирия грез и сновидений, похоже, исчерпывает тот опыт, который можно определить как мой собственный. Но даже здесь весьма спорно, что: а) *реальный* сновидец; б) субъект и главное действующее лицо в этом театре сновидений – онирический герой и, с) то, что я называю обычно местоимением Я – один и тот человек или даже не человек, а скорее – образование, континуум событий на некоторой временной оси. Если все это я, то почему так много отличий от дневного аналога, почему столько свободы и произвольности в поведении и свойствах этого персонажа, равно как и других объектов? Если это не я, то кто же тогда?

В данном случае важно лишь то, что это еще один разряд quasi-эмпирии, особой референциальности, с которым следует считаться как с *фактом*, но который постоянно выпадает из поля зрения аналитиков. Я как раз хочу показать отличие ситуации и фактов сновидения, как независимых от меня событий (хотя и связанных со мной), от ситуации и фактов, описываемых, например, в романе, которые также независимы от меня, но *представляются* не визуализированными и статичными, тогда как герои сновидения или галлюцинации являются зримыми, активными, иногда даже самодостаточными, в общем, *живыми*. Это впечатление также является фактом, если угодно – антропологическим фактом, который подлежит тщательному рассмотрению и экспликации в своей языковой игре и на своем материале.

Но определение значения в духе Витгенштейна: «Значение слова – это его употребление в языке» – на деле ничего не определяет, поскольку любое слово употребляется в языке для о-значивания чего-либо, какого-нибудь объекта, свойства или отношения, таким образом, значение у Витгенштейна – это способ или даже процедура отнесения имени к некоторой предметной области. Значение расплескано где-то на пути между референцией и референтом, но ведь это то, чем обладают и животные, которые усматривают значение, не именуя предмет, т.е. без посредника в виде имени. Значение погружается в референт и исчезает в нем, тогда как на деле, все обстоит наоборот: наличие референта – это *частный случай отношения имени к именуемому*.

Некоторое имя *всегда* обладает значением, если у него есть денотат, но имя может обладать значением, не имея денотата, наконец, имя не может иметь денотат, не имея при этом значения. В известном смысле, *наличие значения – это более су-*

существенная характеристика имени, чем его отнесенность к какому-то реальному объекту; наличие последнего – это дело случая, наличие первого – существенно для различения имени как имени. Значение рассматривается здесь как то же, что и смысл, а последний – как более или менее удачная семантическая вариация на тему значения. Коль скоро не требуется увязывать значение слова с чем-либо реальным или тем, что мы полагаем таковым, то не столь уж обязательно разграничивать значение и смысл.

Язык навязывает нам не только картину мира, но в ряде случаев и сам мир. *Язык обязывает денотат к существованию, провоцирует его, дает санкцию на бытие.* Множество объектов ничтожных и недолговечных получают устойчивое и долговечное существование благодаря языку. Разумеется, это еще не повод бороться с языком и его порождениями, возможно, достаточно просто изменить некоторые языковые практики. Например: «В философии заведомо возникают ошибки, если мыслится, будто все, имеющее отношение к “обычным” словам типа “красный” или “рычит”, должно иметь силу, применительно к экстраординарным словам типа “реальный” или “существует”. Несомненно, что “истинный” есть именно такое экстраординарное слово. <Примечание: Unum, verum, bonum могут считаться самыми знаменитыми фаворитами в этом отношении. В каждом из них есть что-то необычное. Теоретическая теология есть форма звукоподражания. >» [3, с. 184].

По сути, это спор о природе универсалий на новом уровне. Да и таком ли уж новом, если разобраться. «Верю», «знаю», «достоверно», «сомнительно» – все это такие же экстраординарные слова, как и «Я», «сознание», «мышление», «личность». Грамматически во всех этих словах нет ничего из ряда вон выходящего, у каждого из них свои специфические функции (модальность и автореференция), реализуемые в конкретных языковых практиках. Все практики, построенные на использовании подобных слов, конвенциональны, «Я», «Мир», «истинно, что ...», «верю, что ...», «знаю, что ...» – хороши и оправданы только тогда, когда мы соблюдаем правила их употребления в данной языковой игре. Малейшее изменение практики словоупотребления может привести к изменению правил и, как следствие, к смене игры. Аналитики не желают играть по правилам метафизики или теологии, но их критика основывается на предпосылках, *внешних* по отношению к их объектам, а потому никогда не достигает желаемого результата.

Удалось ли философам-аналитикам переубедить хотя бы одного метафизика, мистика или богослова? Очень сомнительно. Возможно дело здесь не в качестве теоретической работы, не в доказательности или «научности», но в исходных психологических и экзистенциальных установках исследователей. С равным успехом можно было бы критиковать поэта (скажем, В. Хлебникова) за использование слов и выражений с непроясненным значением. А что если правила данной игры и не предполагают такого прояснения? Теоретическая теология как раз не ставит перед собой задачи тотального прояснения всего, что относится к области нуминозного. А то, что она все-таки проясняет, выглядит вполне разумно, во всяком случае, теолог Р. Отто ничуть не менее научен, чем Остин с его утверждениями типа: «Как и свобода, истина представляет собой либо скудный минимум, либо иллюзорный идеал» [3, с. 187].

Совершенно непонятно, какое отношение имеет логика с ее исчислениями к реальности или нереальности того, что она исчисляет. Предложение вида: $((a \wedge b) \wedge (b \wedge c)) \wedge (a \wedge c)$ истинно, независимо от того, что мы подразумеваем под переменными a , b , c . Кроме того, как быть с объектами, представления о реальности которых имеют сугубо исторический характер? Именно у логики, в отличие, скажем, от физики, биологии или истории есть возможность отстраниться от суждений о *действительном* существовании объектов, более того, у логики, как науки не-эмпирической попросту отсутствуют средства для подобной оценки.

Возможно между объектами реального мира и вымышленными объектами ле-

жит пропасть, но не следует делать вид, что нам известны именно *логические* основания этого разрыва. Последний обусловлен особенностями восприятия человека, во-первых, как реального физиологического субъекта, а во-вторых, как продукта определенной системы воспитания. Кроме того, в любом случае речь идет лишь о достоверности языкового описания, независимо от онтологического статуса описываемых объектов.

Всякое описание условно, вопрос лишь в характере и степени этой условности. Но у логики отсутствует разрыв между объектом исчисления и самим исчислением. То будущее или прошедшее время, которое присутствует во временной логике – лишь интуитивная, упрощенная модель нашего переживания времени. И это «время» есть не что иное, как особый модальный объект в рамках самой логики. Поэтому есть смысл говорить о достоверности суждений физика или геолога, но абсурдно говорить о достоверности логического исчисления, здесь речь идет лишь о соответствии исходным постулатам, сколь бы диковинными и оторванными от действительности они ни были.

Когда Майнонг говорит о существовании золотых гор и т.п., то он говорит нечто метафизическое о специфике использования нами тех или иных языковых выражений. На этом же уровне остаются и возражения Б. Рассела. Но точно также, как в естественном языке, мы можем (т.е. *в состоянии*, но также *имеем право*) и в логике конструировать предложения, которым в реальном мире ничто не соответствует. Было бы интереснее выяснить, каковы психологические и лингвистические причины появления таких предложений и рассмотреть те случаи, когда желаемое становится действительным, а высказанная нелепость обретает плоть и кровь. Но это также не вопрос логики. Хотя не является ли текст, полностью совпадающий с объектом описания, идеальным текстом? И не окажется ли нонсенс единственным образцом такого текста?

Тот же Б. Рассел утверждает, что: «Среди «возможных» миров, в лейбницевском смысле, будут миры, в которых будет один, два, три... индивида. Нет даже никакой логической необходимости в том, чтобы существовал хотя бы один индивид. <...> Если мы отвергнем онтологический аргумент, мы должны прийти к заключению, что существование мира случайно, то есть оно не является логически необходимым. Если это так, ни один принцип логики не может утверждать «существование», за исключением лишь в качестве гипотезы» [5, с. 184].

В самом деле, не разумнее ли предположить, что *логика совершенно равнодушна к действительному существованию индивидов вообще, не говоря уже о существовании индивидов из плоти и крови*. Тем более требование рассматривать только те объекты, которые представляются реальными, не может относиться к философии, которая включает в свое рассмотрение любые объекты, любых индивидов.

Объекты религиозной веры, персонажи художественных произведений, герои мифов и гипотетические, призрачные конструкции самих же философов – все это входит в компетенцию философии наравне с «реальными» объектами. Здесь не имеет смысла стремиться к лаконизму, ясности, чистоте и простоте описаний – все это неадекватно действительной избыточности, туманности и сложности материала. «Ясным как солнце...» бывает только строевой устав. В нашей жизни и в философии – это скорее исключение, чем правило. Скорее всего это понимал и сам Рассел: «Я думаю, что нечеткость гораздо более важна в теории познания, чем об этом можно было бы судить по большинству работ. Нечетко все, причем степень нечеткости не осознается вплоть до попытки нечто прояснить, а все точное столь далеко от всего того, о чем мы обычно мыслим, что нельзя и на мгновение предположить, что же мы на самом деле имеем в виду, когда выражаем наши мысли» [4, с. 5].

Если теорию познания использовать для всех возможных объектов, то нечеткость станет ее судьбой. Попытка ясно и четко представить наши фантазии и сновидения была бы губительна для адекватности описания. Более того, трудно вообще понять,

что такое *адекватность описания* в данном контексте. Существует ли она вообще? Попробуй описать свой сон. В процессе рассказа происходит убийственная рационализация и детерриторизация сновидения. Рассказанный сон напоминает глубоководную рыбу или медузу, вытасченную на поверхность. То, что было так изящно и живо в своей родной стихии, превращается в жалкую бесформенную массу. Описание любого рода опасно для наших сновидений. Чуждая среда, потеря исходной связности и структуры. Или наоборот, насильственное структурирование того, что явно избегает подобных процедур.

И во сне и наяву я вижу то, что мне видится, также и во сне и наяву я могу иметь иллюзии чувств. В целом заметно, что все эмпирики, скептики, номиналисты не любят сновидения и даже досадуют на них, вот мол, зачем они вообще существуют и портят наши прекрасные теории. Отсюда настойчивое желание умалить онтологический статус сновидений, фантазий и т.п. Для философа-аналитика сновидения или стихи, вообще, любые метафоры – сродни чуду, которое не подлежит интерпретации, но лишь принятию или отвержению. Поэтому «природным» или «естественным» будет также и любое заблуждение, любая фантазия, как бы «ненаучна» она не была. Для человека как раз очень природно серьезно относиться к своим иллюзиям и делать из них далеко идущие выводы эстетического, морального, или политического характера, тем самым, осуществляя референцию к любой фиктивной структуре с той же силой и последовательностью, с которой мы рассматриваем реальные объекты.

В качестве вывода можно отметить, что построение семантики вымысла является вполне перспективной и посильной задачей, представляющей частный случай семантики любых ментальных моделей реальности. Очевидно также, что мы можем использовать для этого целый ряд современных логических систем, позволяющих учитывать нечеткость и вариативность наших представлений о мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Кастанеда Г.-Н. Художественный вымысел и действительность [Текст] / Г.-Н. Кастанеда // Логос. Философско-литературный журнал, № 3 (1999) 13. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 69–102.
2. Льюиз Д. Истинность в вымысле [Текст] / Д. Льюиз // Логос. Философско-литературный журнал, № 3 (1999) 13. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 48–68.
3. Остин Д. Истина [Текст] // Аналитическая философия: Становление и развитие (Антология). – М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. – С. 174–190.
4. Рассел Б. Философия логического атомизма [Текст] / Б. Рассел / Пер. В.А. Суровцева. – Томск: Водолей, 1999. – 192 с.
5. Рассел Б. Введение в математическую философию [Текст] / Б. Рассел / Пер. с англ. В.В. Целищева. – М.: Гнозис, 1996. – 240 с.
6. Сёрль Дж. Р. Логический статус художественного дискурса [Текст] / Дж. Р. Сёрль // Логос. Философско-литературный журнал, № 3 (1999) 13. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 34–47.
7. Wittgenstein L. Über Gewißheit / L. Wittgenstein // Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bänden. B.8. Frankfurt a. M., 1984. S. 113–257.
8. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen / L. Wittgenstein // Wittgenstein L. Werkausg. in 8 Bänden. B.1. Frankfurt a. M., 1984. S. 225–580.
9. Wittgenstein L. Bemerkungen über die Philosophie der Psychologie. Band 1 / L. Wittgenstein // Wittgenstein L. Werkausg. in 8 Bänden. B.7. Frankfurt a. M., 1984. S. 5–215

REFERENCES:

1. Kastaneda G.-N. Khudozhestvennyy vymysel i deystvitel'nost' [Fiction and reality] // Logos. Filosofsko-literaturnyy zhurnal, № 3 (1999) 13. – М.: Dom intellektual'noy knigi, 1999. – S. 69–102.
2. L'yuiz D. Istinnost' v vymysle [The truth in fiction] // Logos. Filosofsko-literaturnyy zhurnal, № 3 (1999) 13. – М.: Dom intellektual'noy knigi, 1999. – S. 48–68.
3. Ostin D. Istina [Truth] // Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie (Antologiya). – М.: Dom intellektual'noy knigi; Progress-Traditsiya, 1998. – S. 174–190.
4. Rassel B. Filosofiya logicheskogo atomizma [The philosophy of logical atomism] / Per.

V.A. Surovtseva. – Tomsk: Vodoley, 1999. – 192 s.

5. Rassel B. Vvedenie v matematicheskuyu filosofiyu [Introduction to Mathematical Philosophy] / Per. s angl. V.V. Tselishcheva. – M.: Gnozis, 1996. – 240 s.

6. Cerl' Dzh. R. Logicheskiy status khudozhestvennogo diskursa [The logical status of the artistic discourse] // Logos. Filosofsko-literaturnyy zhurnal, № 3 (1999) 13. – M.: Dom intellektual'noy knigi, 1999. – S. 34–47.

7. Wittgenstein L. Über Gewißheit // Wittgenstein L. Werkausgabe in 8 Bänden. B.8. Frankfurt a. M., 1984. – S. 113–257.

8. Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen // Wittgenstein L. Werkausg. in 8 Bänden. B.1. Frankfurt a. M., 1984. – S. 225–580.

9. Wittgenstein L. Bemerkungen über die Philosophie der Psychologie. Band 1 // Wittgenstein L. Werkausg. in 8 Bänden. B.7. Frankfurt a. M., 1984. – S. 5–215.

Павленко І. В., кандидат філософських наук, доцент, доцент кафедри філософії Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: vvvvvvv2002@ukr.net

Референція до вигаданих об'єктів

Анотація. Розглядаються основні засади семантики вигадки, що базується на аналізі референціальної структури речень природної мови.

Ключові слова: істина, речення, мова, контекст, референція, достовірність, семантика, конвенція.

Pavlenko I. V., PhD in philosophical sciences, docent, associate professor of the Department of philosophical sciences Oles Honchar Dnipropetrovsk National University (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: vvvvvvv2002@ukr.net

Reference to the invented objects.

Abstract. In article is considered the bases of semantics of the fiction, which is based on the analysis references structure of the offers of a natural language. The primal problem of the given clause – to view, as correspond among themselves semantics of the validity and semantics of ostensibilities and simulations why for exposition of those and others we use the same tongue and a leah is not present in this visible convenience and economy of tools of any hint or the explanation.

Existing examinations in the field, contouring a problem as a whole, do not come nearer at all to its satisfactory solution. The main cause of such state of affairs consists, apparently, in reluctance of the majority of authors to accept more broad treatment epistemic object, having included in this concept mental modes, imagination yields, in a broad sense, - mental formations and frames.

The question, command, the request, joke, hypothetical constructions, any expressional speech acts – all similar propositions can be correctly constructed from the point of view of grammar, but spot them we should without the aid of any references to the validity theory. It is possible to guess, as with so-called constatives to which the specified measure, apparently, are applicable, also not all so is simple. Probably, property of the proposition to be true or false that would not mean it, that is proper in only certain class of our expressions, and with variety of reservations. Tongue imposes to us not only a world pattern, but in some cases and the world. Tongue binds denotat to existence, provokes it, approves life. Set of objects insignificant both ephemeral gain steady and prevailing existence thanks to tongue.

Any exposition is conventional, a problem only in character and a degree of this convention. But the logic has breakage between object of calculus. That future or past tense which is present at the temporary logic – only intuitive, simplified model of our experience of time. And this «time» is not that other, as the special modal object within the limits of the logic. Therefore there is a sense to speak about reliability of judgements of the physicist or the geologist, but absurdly to speak about reliability of logic calculus, here it is a question only of correspondence to initial postulates however strange and separated from the validity they were.

As a whole, build-up of semantics of fiction is quite perspective and feasible problem representing a special case of semantics of any mental models of a reality. It is obvious also that we can use for this purpose variety of the up-to-date logic systems, allowing to consider an illegibility and variability of our representations about the world.

Key words: truth, proposition, language, context, references, certainty, semantics, convention.